

УДК 316:165:930

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Трубникова Наталья Валерьевна,

nvt@tpu.ru

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30

Трубникова Наталья Валерьевна, доктор исторических наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета.

*Статья посвящена проблемам развития современной социологии науки и способам теоретического инструментария, относящегося к данной исследовательской традиции, к проблематике современной исторической науки. **Актуальность** статьи определяется потребностью современного исторического знания в новых теоретических подходах, ведь именно социология является для теории исторического познания привилегированным источником заимствований. Базой написания статьи стали **методы** компаративистики, типологизации, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический. **Результаты.** Основу концептуальных построений современной социологии науки образуют теории социального конструктивизма. Современная конструктивистская теория содержит критическое и прагматическое направления. Если критическая социология изучает общественный формат человеческой деятельности, то прагматическая социология исследует внутренние импульсы самого актора, сферу его действия и взаимодействия, его траектории жизни и дискурсы, которые он производит. В наибольшей степени новые подходы социологии науки затронули ближнюю предметную область истории науки и культурных практик, связанных с усвоением новых знаний. Влиятельной темой исторических исследований становится тема усвоения, перевода и трансформации научных идей и теорий, аутентичных для одной культуры, в традициях и языках других культур. Соединяя измерения локального и глобального, современная история науки разделяет интерес «игры масштабов» с проектом «перекрестной истории», также много позитивовавшей из теорий социального конструктивизма и современной социологии науки. Таким образом, современная историческая эпистемология насыщена различными коннотациями теорий социального конструктивизма и терминологией современной социологии науки, связь которых с историческим знанием устанавливается в рассматриваемой статье.*

Ключевые слова: Социальный конструктивизм, социология науки, историческая эпистемология, прагматическая социология, критическая социология, история науки, перекрестная история, исторический актор, «игра масштабов».

Одним из перспективных направлений развития современной исторической эпистемологии являются социология, и тесно связанная с ней история науки – два вектора развития научных дисциплин, которые, обладая собственной научной спецификой, тем не менее связаны многочисленными каналами взаимодействия и оказывают заметное влияние на современные историографические практики, а иногда и разделяют общее течение развития с другими направлениями современной гуманитарной мысли.

С точки зрения усвоения понятийно-теоретического арсенала определяющей здесь является социология науки, ведь история, как правило, не производит собственных понятий, а заимствует их из смежных дисциплин. Несмотря на периоды напряженной междисциплинарной конфронтации [1], именно социология является для истории

привилегированным донором, поскольку именно она претендует на выявление универсальных категорий социального бытия, но при этом, как и история, тяготеет к логике и стилистике «естественного рассуждения», свойственного повседневному человеческому опыту.

Основу концептуальных построений современной социологии науки образуют теории социального конструктивизма. Начиная со второй половины 1980-х гг. именно это направление социологической мысли, руководствуясь представлением о конструируемой природе представлений о реальности, предложило выход из тупика традиционных бинарных оппозиций, характерных для структуралистских концепций. Последние оказались невосприимчивы к процессам взаимодействия и трансформации.

Согласно классификации Т. Бенатуя [2], современная конструктивистская социология может быть поделена на критическое (П. Бурдьё, Ж.-К. Пассерон и др.) и прагматическое (М. Каллон, Б. Латур, Ж. Болтански, Л. Тевено и др.) направления. Критическая социология стремится опровергнуть ложные логические оппозиции, навязанные господствующей культурой западного социума. Привилегированными объектами подобного стиля исследований является социология науки, школы, искусства, интеллектуалов, т. е. основных элементов и персоналий легитимной культуры, а также изучение способов ее трансляции в обществе. Методология, предлагаемая П. Бурдьё, широко востребована в истории и социологии науки при анализе деятельности отдельных интеллектуальных групп и институтов, способов «символического насилия», с помощью которых «доминирующие» социальные силы навязывают «доминируемым» главенствующие смыслы. Ныне широко известные понятия «габитуса» (система устойчивых и переносимых диспозиций, определяющая мировоззрение человека), «конфигурации» (система взаимоотношений между людьми и (или) социальными группами), «поля» (уникальная автономная сфера социальной жизни, отличная от всех остальных) определяют терминологическое наполнение критической социологии [3].

Исследователи Ж.-К. Пассерон и К. Гренье, развивая теорию символического господства, стремятся показать пределы его применения в анализе социальных групп, поскольку рассуждение о народной культуре лишь в категориях элитарного дискурса означает ее неполноценное представление в терминах исключения и непотребления, тем самым лишая широкие массы «доминируемых» всякой внутренней автономии и собственных алгоритмов развития [4].

Социология П. Бурдьё внушает современным интеллектуалам и собственную идеологию действия, советуя избегать политических пристрастий как уловок символического насилия. Вместо этого необходимо неустанно показывать обществу рамки различных внешних принуждений, ослаблять действие идеологий, которые представляют эти социальные детерминизмы как неизбежные «издержки» политико-экономической, техногенной или естественной природы вещей.

В отличие от критической социологии, стремящейся к разрушению интеллектуальных и социальных стереотипов западного общества, прагматическая социология прямо коррелирует с подъемом микроисследований в гуманитарных науках и часто редуцируется до понятия «актора». Применительно к истории это направление исследований созвучно концептуальной программе французских «Анналов» 1990-х гг., кристаллизованной Б. Лепти в манифесте о «прагматическом повороте», в котором было заявлено о создании «другой социальной истории» и акторах как основном исследовательском фокусе [5]. В реальности прагматической социологии за фасадом «актора» прячутся различные интерпретации «теории действия».

Если критическая социология изучает общественный формат человеческой деятельности, то прагматическая социология исследует внутренние импульсы самого актора, сферу его действия и взаимодействия, его траектории жизни и дискурсы, которые он производит. Автор статьи проводила ранее сравнительный анализ двух социологических подходов с точки зрения выявления их внутреннего родства и противоречий [6].

Основоположниками данного направления являются корифеи современной социологии науки Б. Латур и С. Вулгар, представившие в 1979 г. на суд общественности неоднозначно и бурно воспринятую книгу «Лабораторная жизнь» (1979 г.) [7]. Авторы исследовали пространство повседневной деятельности одной научной лаборатории, занимавшейся проблемами нейроэндокринологии, которая в течение нескольких лет изучалась методами этнологии как аутентичная экзотическая культура. Результаты исследования получили много аргументированной критики со стороны гуманитарного сообщества, но смогли завоевать внимание профессиональной аудитории благодаря принципиальной революционной новизне предпринятого проекта.

Наблюдая за жизнью лаборатории, авторы пришли к выводу, что конструирование научных фактов может рассматриваться как социальный факт, на который оказывают влияние не только и не столько научные эксперименты, доказательства и методы, но в первую очередь различные условности социальной среды ученого. Как выяснилось, фактически деятели лаборатории делают не совсем то, что, как им кажется, будто бы они делают. Лишь сделав «шаг в сторону» как от объяснений самих ученых, так и от научных теорий и приняв во внимание деонтологические принуждения среды, можно понять и описать процесс производства научных знаний.

Б. Латур стремится «дешифровать» «науку в процессе делания», которая разительно отличается от научной деятельности, оцениваемой «пост-фактум». Внимание исследователя переносится от пространства идей, методов и парадигм к материальным артефактам научной жизни, главными из которых становятся «литературные инскрипторы», поскольку основная деятельность лаборатории, по мнению автора, сводится к процессу создания записей посредством различных инструментов. Одни высказывания трансформируются в другие, повышая степень «достоверности» научного результата. Высшая степень достоверности полученного научного факта определяется признанием коллег по академическому цеху. Таким образом, научный результат определяется всей совокупностью повседневной жизни лаборатории, включая стратегии продвижения научной темы, навыки профессиональной коммуникации, формы аргументации, конъюнктурные карьерные соображения. Если традиционная история науки запоминает лишь научный факт, то процесс его создания позволяет рассматривать целый конгломерат взаимосвязанных научных практик и материальных объектов.

Следуя такой логике, Б. Латур в сотрудничестве с М. Каллоном и Дж. Ло разработали «социологию перевода», или акторно-сетевую теорию (actor-network theory). В ней одушевленные акторы и материальные объекты истории и социологии науки равно рассматриваются как действующие участники социальных отношений [8].

Акторы вступают в процесс «взаимоопределения», переводя свой дискурс, проблемы и идентичность в аналогичные категории других людей. Авторы отслеживают деятельность акторов по всей длине «цепочки перевода»: смену различных видов активности, стратегий конкуренции, мобилизации и вербовки союзников, конфликтов, механизмов разделения прибыли, социальных компромиссов с целью создания выгодных союзов или обретения идейного лидера. Приходя к компромиссу через «взаимные смещения» первоначальных устремлений, акторы образуют относительно стабильные состояния социального мира, которые анализируются с помощью понятия «сети» [9].

Формированию сети всегда предшествует установление определенного порядка взаимодействия между разнородными участниками, в результате чего складывается сфера их совместного функционирования.

В таком типе анализа особую роль приобретают материальные объекты, в отношении которых авторы требуют употребления категории действующих агентов. Именно этот момент теории является наиболее спорным: можно ли наделять самостоятельной логикой неодушевленные, не обладающие свободной волей и сознанием объекты? Авторы дают положительный ответ на этот вопрос, определяя свой подход к миру «социоприроды» как материально-семиотический. Это значит, что он равным образом анализирует как материальные отношения, складывающиеся между вещами, так и семиотические, формируемые взаимодействием понятий. Социология перевода остается основой для изучения процессов социально-технической сферы. Ведь в отличие от прочих сфер социального мира наука складывается как сеть разнородных социотехнических объектов, соединенных определенными специфическими практиками, где объединяются концептуальные, литературно-текстологические, социальные и технические компоненты [10].

Таким образом, благодаря социологии перевода, в истории науки наряду с акторами привилегированное место занимает социоприрода – технические объекты, «черные ящики», а также системы взаимодействия, связанные с их использованием. Повседневные практики ученого подчиняются стабильному распорядку технических систем. Деятельностный аспект материальных средств состоит в том, что вещи, подобно живым существам, могут сопротивляться некоторым видам их использования, создавать определенные ограничения для акторов. Следуя этой логике, авторы «социологии перевода» наделяют материальные объекты качеством действующих, оказывающих влияние на формирование и трансформации значительного количества состояний социального мира.

Следовательно, в акторно-сетевой теории предметом исследования становится жизнь ученого, какой она становится под влиянием всей совокупности институтов, объектов, инструментария и теорий, с которыми он соприкасается.

Наряду с акторно-сетевой теорией признанным достижением современной прагматической социологии науки является принцип симметрии, обоснованный Дэвидом Блуром [11]. Нельзя изучать историю науки с позиции победивших концепций, должен быть единый, «симметричный» способ изучения эволюции научного знания, с помощью которого можно объективно изучать то, что признано истинным и ложным, успехом и провалом, рассматривать состоявшиеся и забытые научные теории. В современных исследованиях социотехнических систем принцип Д. Блура трактуется как требование «равноудаленного» изучения акторов и материальных объектов, включенных в сеть, современного и архаичного, естественно-научного и гуманитарного знания, национального в рамках межкультурного диалога, причин и поводов действия и т. д.

Социологи Л. Болтански и Л. Тевено произвели работу по «симметризации» многообразных, на первый взгляд, способов социального действия и установили шесть основных режимов оправдания, с помощью которых актор осуществляет обоснование своих действий в обществе, используя легитимные и общепринятые аргументы. Выявленные (в европейском типе общества) шесть основных регистров публичного оправдания являются симметричными, т. е. равными и внеиерархичными в отношении друг друга. Это гражданское обоснование (апелляция к коллективной воле и равенству); промышленное обоснование (требование эффективности и компетентности); семейное обоснование (призыв к отношениям доверия); обоснование мнением (доминанта кол-

лективного авторитета); предпринимательское обоснование (ценности бизнеса и рынка); обоснование вдохновением (апелляция к творчеству или харизматическому озарению) [12]. Любой режим социального оправдания должен изучаться на основе «принципа эквивалентности», что подразумевает исследование предложенных способов аргументации в контексте человеческого взаимодействия, отношений человека и вещественного мира, связей с аналогичными ситуациями в прошлом и настоящем. В рассматриваемой теории любой социальный антагонизм рассматривается не как конфликт различных социальных групп, но как столкновение противостоящих логик аргументации, апеллирующих к различным режимам социального оправдания.

Прагматическая социология всегда означает встречу индивида и социальной среды, где акцент делается не на жесткие социальные детерминизмы, как это принято в большинстве социологических подходов, но на диапазон возможностей и действий актора.

Осталось выяснить, каким образом применяется теоретический ресурс социального конструктивизма в современной исторической науке. Прежде всего, эти сдвиги заметны в наиболее близкой предметной области истории науки. Долгое время развитие дисциплины проходило в рамках парадигмы «научной революции» и представляло собой рассказ о становлении комплекса современных наук в процессе общего роста эпохи модернизма. При этом основное внимание уделялось истории самой научной мысли вне исследований по большому счету повседневных условий научной деятельности и институциональной среды научных сообществ. В европейской истории науки традиционно доминировала философская интерпретация, в фокусе которой были эпистемологические проблемы физико-математических наук.

К началу 1990-х гг. под влиянием новых тенденций развития гуманитарного знания и, прежде всего социологии науки, характер исторических интерпретаций смежной области начинает изменяться. Происходит переход от изучения идей – к практикам, от текстов – к индивидам, к социальной, экономической и политической реальности, в недрах которой «делается» живая наука [13]. Не осталась в стороне и дискурсивная составляющая исторической науки: сочетание в анализе логики социального конструктивизма с логикой усвоения (и присвоения) устоявшихся понятий отдельными социальными группами позволяет прояснить их использование в научном и общественно-политическом обиходе [14].

Определенный импульс к обновлению изучения науки принес, как уже отмечалось выше, объявленный в «Анналах» «критический поворот»: здесь история науки предстает как разновидность культурной практики, помещая в центр исторического актора [15].

Это направление формирует широкое поле деятельности для обновленной социальной истории: это типы социальности, научные связи и сообщества в эпоху Просвещения в исследованиях Д. Роша [16], революция печатного дела, книг и их читателей в публикациях А.-Ж. Мартена и Р. Шартье [17], история географии и понимания пространства в интерпретации Б. Лепти и Д. Нордмана [18, 19]. К тому же в рамках общего процесса размывания и девальвации терминологии «великих нарративов» социальной истории предшествующего периода пересмотру подверглись все культурные значения, связываемые с эпохой капитализма, включая понятие «индустриальная революция», сочетаемое по смыслу с понятием революции научной [20, 21].

В становлении «обновленной истории науки», по мнению Р. Шартье, особый интерес вызывали, с точки зрения социального историка книжного дела, «...специфическая логика, управлявшая экспериментальными практиками, способы

подтверждения и технологии доказательства, текстуальные и материальные формы трансмиссии знаний и еще формы, созданные между научной концепцией и практикой и модальности осуществления власти» [22].

Однако не все дискуссии данной предметной области были связаны с эпохой Нового времени. Упомянутые выше исследования Б. Латура в области «социологии перевода» имели продолжение в виде «истории окружающей среды» [23, 24], которая, реагируя на риски современных западных обществ, вводит в исследование по истории и антропологии науки даже проблемы климата, создавая специфический междисциплинарный профиль исследований о Земле и гуманитарных исследований об обществе [25].

Влиятельной темой истории науки стала тема усвоения, перевода и трансформации научных идей и теорий, аутентичных для одной культуры, в традициях и языках других культур. Характерный пример образуют исследования С. Шаффера, стремящегося установить всю «цепочку перевода» учения И. Ньютона, конечный пункт которого – Индия XVIII века.

Этот акцент позволяет читать труды Ньютона из источников на других языках, оценивая способы использования этого знания различными типами акторов в различных социокультурных средах, соединяя и сравнивая пласты цивилизаций поистине планетарного масштаба. Данный подход преодолевает рамки традиционного европоцентризма истории науки, дихотомию центра и периферии, формируя укоренение, которое характеризует полицентричный мир [26].

«Игра» локального и глобального масштабов в исследовании – характерная черта современной западной историографии в целом. Является ли глобализация «предустановленным кадром» современной истории науки, или последняя приобретает всемирный характер, рассуждая о научных практиках, которые постепенно глобализуются? [27]. Ответ на этот вопрос должен предполагать обе возможности. Наиболее ясно подобная «игра масштабов» наблюдается в проекте «перекрестной истории», также много позаимствовавшей из теорий социального конструктивизма и современной социологии науки.

«Перекрестная» история имеет намерение преодолеть тупики традиционного компаративного подхода, основанного на противопоставлении и корректно разрешить проблему эмпирического многообразия изучаемых объектов. Авторы манифеста «Histoire croisée» М. Вернер и Б. Зиммерман также используют упомянутый выше «принцип симметрии» [28]. Равноудаленной по отношению к сравниваемым объектам должна быть позиция самого историка, сбалансированными – масштабы исследования и исторических процессов, логика диахронии и синхронии, исследование зоны исторического взаимодействия.

Особенно тесно «перекрестная история» смыкается с историей науки при изучении интеллектуальных и культурных трансфертов, понимаемых как идейные заимствования любого рода. Трансферт всегда имеет временную протяженность, наполненную процессами перемещения и усвоения, определенную цепь событий, что порождает трудности в анализе и описании. Нелегко определить рамки интеллектуального обмена, места и даты «отправки» и «получения трансферта», под которыми чаще всего подразумеваются устоявшиеся категории национального или даже цивилизационного масштаба: «Запад–Восток», «немецкая историография» – «французская историография» и т. д., диктующие свои стереотипы анализа. Однако если фокусировать внимание на разрывах традиций, процессах усвоения или сопротивления – традиционные аналитические модели демонстрируют свой лимит, показывая дефицит рефлексивности [28].

Также традиционное историческое исследование часто исследует распространение интеллектуальных феноменов как линейный процесс. В действительности же историческая динамика всегда бывает разной и специфичной. Чтобы подчеркнуть неоднородность и нелинейность подобных процессов, «перекрестная история» применяет фигуру «пересечения» исторических феноменов, вступающих во взаимодействие. «Пересечение» применяется лишь для изучения сложных исторических конфигураций, процессов, исследуемых в терминах отношений, взаимодействий и циркуляций. Оцениваются последствия подобной «встречи» культурных практик, фиксируются все его формы, содержание, траектории, модификации и сопротивления, их насыщающие. При этом авторы отдают себе отчет в том, сколь лабильны, несимметричны и стихийны реальные ситуации такого взаимодействия.

Таким образом, «перекрестная история» чувствительна к вопросам «игры масштабов», обозначенной «четвертыми Анналами». Авторы выступают за «пересечение масштабов», поскольку в точке соединения микро- и макроподходов видны «смыслообразующие взаимодействия сложных феноменов, не сводимых к линейным моделям» [28], в первую очередь исторические феномены транснационального масштаба. Столь обобщенное глобализующее видение помещает указанное направление исследований в более значительное русло «пространственного поворота» влиятельной части мировой историографии [29].

Помимо принципа симметрии, проект «перекрестной истории» поддерживает базовые ориентации социального конструктивизма, позволяя изучать как сферу реальных действий, так и все внешние условия, в которых это действие становится возможным, как структурирующие, так и структурированные составляющие процессов исторического взаимодействия. Примеры применения методологии «перекрестной истории» являют широкий тематический, хронологический и пространственный диапазон [30]. Востребован ракурс, отражающий формирование новых научных традиций в различных частях мира: становление японской исторической науки под влиянием европейских моделей [31]; зарождение в Индии британского типа картографии [31], публичное обращение и использование трудов первых европейских финансистов-советников при дворах европейских монархов [31].

Другое направление «пересечения» отражает более эфемерное взаимодействие эпох и систем интерпретаций: «средиземноморская парадигма» антропологии в последней трети XX века [31]; опыт прочтения французами немецкий неокантианцев на рубеже XIX–XX веков [31].

Наконец, третьей популярной темой «перекрестной истории» является рефлексивное измерение, связанное с изучением арсенала устоявшихся понятий исторической науки: системы государственного суверенитета Франции и Германии накануне Первой мировой войны и историографические клише, с ними связанные [31]; исследование иммигрантских сообществ в Европе как поля пересечения различных национальных традиций [31] и в целом европейская история коммуникативных практик [32].

Таким образом, как показывает анализ современной западной историографии, современная историческая эпистемология насыщена различными коннотациями теорий социального конструктивизма и терминологией современной социологии науки, подходы которой активно используются в социальной истории культурных практик, включая историю науки и проект «перекрестной истории».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трубникова Н.В. Междисциплинарный альянс или конфронтация? Дискуссии французских историков и социологов по теории социальных наук // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308. – № 3. – С. 192–196.
2. Benatouil T. Critique et pragmatique en sociologie. Quelques principes de lecture // Annales HSS. – 1999. – № 2. – P. 281–318.
3. Ignatow G. Beyond Bourdieu: from genetic structuralism to relational phenomenology // Contemporary sociology – a journal of reviews. – 2018. – V. 47 (1). – P. 42–43.
4. Grignon C., Passeron J.-C. Le Savant et le populaire. Misérabilisme et populisme en sociologie et en littérature. – P.: EHESS-Gallimard-Seuil, 1989. – 260 p.
5. Tentons l'expérience // Annales ESC. – 1989. – № 6. – P. 1317–1323.
6. Трубникова Н.В. Транзитные перекрестки французской науки: дрейф понятий от социологии к истории // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 170–174.
7. Latour B., Woolgar S. La vie de laboratoire. – P.: La Découverte, 1988. – 300 p.
8. Ackrich A., Callon M., Latour B. Sociologie de la traduction. Textes fondateurs. – P.: Presses de l'École des Mines, 2006. – 401 p.
9. Callon M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of Saint-Brieuc Bay // Logos. – 2017. – V. 2. – P. 49–94.
10. Callon M. La Science et ses réseaux. – P.: La Découverte, 1988. – 214 p.
11. Bloor D. Anti-Latour // Logos. – 2017. – V. 1. – P. 85–134.
12. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / пер. с франц. О.В. Ковенева, под ред. Н.Е. Копосова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.
13. Pestre D., Romero M. The new history of science: an interview with Dominique Pestre // Historia ciencias saude-manguinhos. – 2016. – V. 23 (3). – P. 899–905.
14. Pestre D. Les sciences et l'histoire aujourd'hui // Le Débat. – 1998. – № 102. – P. 53–68.
15. Трубникова Н.В. Научный и политический дискурсы идентичности: способ самоопределения или «изобретение традиций»? // Международный журнал исследований культуры. – 2010. – № 1. – С. 18–22.
16. Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale / Dir. B. Lepetit. – P.: Éditions Albin Michel, 2013. – 384 p.
17. Roche D. Les Républicains des lettres. Gens de culture et Lumières au XVIIIe siècle. – P.: Fayard, 1988. – 394 p.
18. Histoire de l'édition française / Dir. H.-J. Martin, R. Chartier. – P.: Fayard, 1991. – 739 p.
19. Lepetit B. Carnet de croquis. Sur la connaissance historique. – P.: Albin Michel, 1999. – 316 p.
20. L'invention scientifique de la Méditerranée. Égypte, Morée, Algérie / Dir. M.-N. Bourguet. – P.: Éd. de l'EHESS, 1998. – 328 p.
21. Jacob M. The Cultural Meaning of the Scientific Revolution. – New York: Knopf, 1988. – 274 p.
22. Hilaire-Pérez L. L'invention technique au siècle des Lumières. – P.: Albin Michel, 2000. – 443 p.
23. Chartier R. Comptes rendus de Shapin S. et Schaffer S. «Léviathan et la pompe à air. Hobbes et Boyle entre science et politique». Paris, La Découverte, 1993. // Le Monde des livres. – 1994. – 28 janvier. – P. 138–140.
24. Introduction à l'histoire environnementale / J.-B. Fressoz et al. – P.: La Découverte, 2014. – 125 p.
25. Quenet G. Qu'est-ce que l'histoire environnementale? – Seyssel: Champ Vallon, 2014. – 298 p.
26. Chakrabarty D. Anthropocene time // History and Theory. – 2018. – V. 53 (1) – P. 5–32.
27. The Brokered World: Go-betweens and Global Intelligence, 1770–1820 / Dir. S. Schaffer et al. – Sagamore Beach, MA: Science History Publications, 2009. 522 p.
28. Romano A. Fabriquer l'histoire des sciences modernes. Réflexions sur une discipline à l'ère de la mondialisation // Annales HSS. – 2015. – VI. 2. – P. 381–408.
29. Werner M., Zimmermann B. Penser l'histoire croisée: entre empirie et réflexivité // Annales HSS. – 2003. – № 1. – P. 7–36.
30. Трубникова Н.В. «Пространственный поворот» современной западной историографии: лики всемирной истории в эпоху глобализации // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 9 (17). – С. 46–55.
31. De la comparaison à l'histoire croisée / Dir. M. Werner, B. Zimmermann. – P.: Seuil, 2004. – 236 p.
32. Loblich M., Averbeck-Lietz S. The transnational flow of ideas and histoire croisée with attention to the cases of France and Germany // International history of Communication studies / Eds. P. Simonson, D.V. Park. – London; New York: Routledge, 2016. – P. 25–46.

Поступила 05.04.2018 г.

UDC 316:165:930

**SOCIOLOGY OF SCIENCE AS A SOURCE OF DEVELOPMENT
OF MODERN HISTORICAL EPISTEMOLOGY****Nataliya V. Trubnikova,**

nvt@tpu.ru

National Research Tomsk Polytechnic University,
30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia.**Nataliya V. Trubnikova**, Dr. Sc., National Research Tomsk Polytechnic University

The article is devoted to the issues of modern sociology of science and adaptation of its theoretical tool to the topic of a current historical science trends. **The relevance** of the topic is determined by the need of modern historical knowledge in new theoretical approaches. The sociology is the preferred source of borrowings for historical knowledge theory, as it claims to identify universal categories of social existence, but at the same time as well as history, it gravitates toward logic and stylistics of «commonsense reasoning». The base of the research are comparative, typological, historiographic, problematic and chronological methods. **Results.** The theories of social constructivism form foundations of a conceptual composition of modern sociology of science. Modern constructivist theory contains critical and pragmatic directions. If critical sociology studies social form of human activity, then pragmatic sociology explores the inner impulses of the actor itself, the terms of its action and interaction, its life trajectory and discourses that it generates. New approaches of sociology of science have affected to the fullest extent the closest topical area of history of science and cultural practices, associated with the assimilation of new knowledge. The issue of assimilation, transfer and transformation of authentic for one culture scientific ideas and theories in traditions and languages of other cultures is becoming a crucial topic of historical research. Combining the dimension of local and global, modern history of science shares the interest of «the game of proportions» with the project of «cross history», which also borrowed many aspects from the theory of social constructivism and modern sociology of science. Thus, as is shown in the analysis of modern Western historiography, modern historical epistemology is rich in various connotations of theories of social constructivism and terminology of modern sociology of science, which relation to historical scholarship is determined in the article.

Key words: Social constructivism, sociology of science, historical epistemology, pragmatism, sociology, critical sociology, history of science, cross history, historical actor, «game of scales».

REFERENCES

1. Trubnikova N.V. Interdisciplinary alliance or confrontation? French historians and sociologists discussions on the theory of social sciences. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2005, vol. 308, no. 3, pp. 192–196. In Rus.
2. Benatouil T. Critical and pragmatic in sociology. Some principles of reading. *Annales HSS*, 1999, no. 2, pp. 281–318.
3. Ignatow G. Beyond Bourdieu: From Genetic Structuralism to relational phenomenology. *Contemporary sociology – a journal of reviews*, 2018, vol. 47 (1), pp. 42–43.
4. Grignon C., Passeron J.-C. *Le Savant et le populaire. Misérabilisme et populisme en sociologie et en littérature* [The Savant and the popular. Miserablism and populism in sociology and literature]. Paris, EHESS-Gallimard-Seuil, 1989. 260 p. In Fr.
5. Let's try an experiment. *Annales ESC*, 1989, no. 6, pp. 1317–1323. In Fr.
6. Trubnikova N.V. Transit crossroads of French science: drift concepts from sociology to history. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2007, no. 294, pp. 170–174. In Rus.
7. Latour B., Woolgar S. *La vie de laboratoire* [Laboratory Life]. Paris, La Découverte, 1988, 300 p. In Fr.

8. Ackrich A., Callon M., Latour B. *Sociologie de la traduction: Textes fondateurs* [Sociology of translation. Founding texts]. Paris, Press of the Ecole des Mines, 2006. 401 p. In Fr.
9. Callon M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of Saint-Brieuc Bay. *Logos*, 2017, vol. 2, pp. 49–94.
10. Callon M. *La Science et ces reseaux* [Science and its networks]. Paris, the Discovery, 1988. 214 p. In Fr.
11. Bloor D. Anti-Latour. *Logos*, 2017, vol. 1, pp. 85–134.
12. Boltanski L., Thevenot L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sotsiologii gradov* [Criticism and justification of justice: essays of the sociology of hailstones]. Translated from French by O.V. Koveneva. Ed. by N.E. Kuposova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 576 p.
13. Pestre D., Romero M. The new history of science: an interview with Dominique Pestre. *Historia ciencias saude-manguinhos*, 2016, vol. 23 (3), pp. 899–905.
14. Pestre D. Les sciences et l'histoire aujourd'hui [Sciences and history now]. *Le Débat*, 1998, no. 102, pp. 53–68. In Fr.
15. Trubnikova N.V. Scientific and political discourse of identity: the path of self-determination or «invention of traditions»? *International journal of cultural research*, 2010, no. 1, pp. 18–22. In Rus.
16. *Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale*. [The forms of experience. Another social history]. Ed. by B. Lepetit. Paris, Albin Michel, 1995. 384 p.
17. Roche D. *Les Républicains des lettres. Gens de culture et Lumières au XVIIIe siècle* [The Republicans of letters. People of culture and Enlightenment in the Eighteenth century]. Paris, Fayard, 1988. 394 p.
18. *Histoire de l'édition française* [History of French Publishing]. Eds. H.-J. Martin, R. Chartier. Paris, Fayard, 1991. 739 p.
19. Lepetit B. *Carnet de croquis. Sur la connaissance historique* [Sketchbook. On historical knowledge]. Paris, Albin Michel, 1999. 316 p.
20. *L'invention scientifique de la Méditerranée. Égypte, Morée, Algérie* [The Scientific Invention of the Mediterranean. Egypt, Morea, Algeria]. Ed. by M.-N. Bourguet. Paris, Éd. de l'EHESS, 1998. 328 p.
21. Jacob M. *The Cultural Meaning of the Scientific Revolution*. New York, Knopf, 1988. 274 p.
22. Hilaire-Pérez L. *L'invention technique au siècle des Lumières* [The technical invention in the Enlightenment]. Paris, Albin Michel, 2000. 443 p.
23. Chartier R. Comptes rendus de Shapin S. et Schaffer S. «Léviathan et la pompe à air. Hobbes et Boyle entre science et politique» [Reports of Shapin S. and Schaffer S. «Leviathan and the air pump. Hobbes and Boyle between science and politics»]. Paris, La Découverte, 1993. *The World of books*, 1994, 28 janvier. pp. 138–140.
24. Fressoz J.-B. *Introduction à l'histoire environnementale* [Introduction to an environmental history]. Paris, the Discovery, 2014. 125 p.
25. Quenet G. *Qu'est-ce que l'histoire environnementale?* [What is an environmental history?]. Seyssel, Champ Vallon, 2014. 298 p.
26. Chakrabarty D. Anthropocene time. *History and Theory*, 2018, vol. 53 (1), pp. 5–32.
27. Schaffer S. *The Brokered World: Go-betweens and Global Intelligence, 1770–1820*. Sagamore Beach, MA, Science History Publications, 2009. 522 p.
28. Romano A. Making the history of modern science. Reflections on a discipline in the age of globalization. *Annales HSS*, 2015, no. 2, pp. 381–408. In Fr.
29. Werner M., Zimmermann B. Thinking of the crossed history: between empire and reflexivity. *Annales HSS*, 2003, no 1, pp. 7–36. In Fr.
30. Trubnikova N.V. «Spatial turn» of modern Western historiography: the faces of world history in the era of globalization. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2012, no. 9 (17), pp. 46–55. In Rus.
31. *De la comparaison à l'histoire croisée* [From the comparison to the cross history]. Eds. M. Werner, B. Zimmermann. Paris, Seuil, 2004. 236 p.
32. Loblich M., Averbek-Lietz S. The transnational flow of ideas and histoire croisée with attention to the cases of France and Germany. *International history of Communication studies*. Eds. P. Simonson, D.V. Park. London; New York, Routledge, 2016. pp. 25–46.

Received: 5 April 2018.